

18+

Владимир Николаев

ПЕСНЯ

Ироническая проза

Владимир Николаев
Песня. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Николаев В. К.

Песня. Сборник рассказов / В. К. Николаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник составляют короткие тексты, написанные "для своих". Рассказчик негромко повествует о вещах вроде бы житейских, не попадающих в телевизор, но цепляющих своей точностью. Много поэзии в этом прозаическом сборнике. Много юмора, иронии и самоиронии. Много любви и проницательного отношения к мелочам, которые иногда делают целую жизнь. Книжка для тех, кто любит читать в метро. Один рассказ - как раз от станции до станции...

Содержание

Дорога	5
Карменсита	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дорога

К бабушке ехали долго. На поезде через три границы: из Германии, где служил отец, через Польшу на Южный Урал – более трёх суток. Мелькали картинки за окном: красная черепица Вюнсдорфа, плоские крыши блочных домов Варшавы. Перед рекой Буг на границе поезд притормозил и из вагонов на ходу спрыгнули щегольские польские пограничники в конфедератках. Быстро проскочив узкую полосу реки, на своей земле, высунувшись в окна, наши кричали «ура!». Война давно окончилась, шли хрущёвские шестидесятые.

В Бресте меняли колёса, и меня этот момент интересовал чрезвычайно. Из окна купе я зорко следил за всей процедурой – вагон плавно, почти незаметно поднимала гидравлика, с грохотом укатывались европейские – узкие – вагонные тележки и с таким же тяжёлым шумом закатывались наши – широкие.

Потом ехали весело до самой Волги – почти на всех остановках продавали еду: жареных кур, солёные огурцы, вареную картошку и пирожки. Пирожков мама не покупала – неизвестно, чего туда нашинковали. После Волги началось царство вяленой рыбы – предлагали воблу вязанками, а лещей – поштучно, и всё недорого. Но когда куры и картошка из оконной торговли исчезли – о, удача! – нас с сестрой повели в вагон-ресторан. Поковыряв для вида ленинградский рассольник и жаркое с оранжевой подливкой, можно было неторопливо попить вкуснейший лимонад «Буратино» – в Германии такого не было.

Всю дорогу по внутренней трансляции гоняли песни советской эстрады. К концу путешествия многие я запомнил наизусть. Особенно поразила моё воображение популярная тогда песня «Бухенвальдский набат». Когда все выходили из купе, я ложился на верхнюю полку для громкости звука и страшным голосом орал: «Люди мира на минуту встаньте!!!». Исполнять на публике это было нельзя – взрослые хмыкали, а я обижался – пел-то с большим чувством.

Приволжские степи незаметно переходили в приуральские. На исходе третьего дня, постояв в Оренбурге, поезд в сумерках проскочил Меновой Двор, где проходит «граница» Европы с Азией, и разогнался под горку к разъезду, после которого до нашей станции уже рукой подать.

К этому моменту все вещи, и мы одетые, уже стояли в коридоре. В тамбуре проводница щёлкала круглым железнодорожным ключом. Наша остановка – две минуты. С протяжным металлическим скрипом и лязгом поезд затормозил. Проводница распахнула дверь и откинула металлическую лесенку. В лицо ударила жара с запахом полыни и шпал. Где-то в темноте, выкрикивая маму, уже бежал по насыпи к вагону дед, и нас, как кукол, по очереди вбрасывали в его большие надёжные руки. Поезд, продёрнув через своё тело волну тяжёлого металлического звука, тронулся дальше уже без нас.

Пока шли в темноте, ничего не узнавалось. Дом в окружении штабелей шпал вырос из сумерек как крепость.

Бабушка в слезах на пороге целовала и перецеловывала нас – как космонавтов или бежавших из плена партизан. Мы ответно тыкались в её лицо, вдыхая родной запах – молока и солнца.

Взрослые, накричавшись, вскоре перешли на шёпот – детей уложили на полу спать. Ещё несколько минут борьбы за подушки и – счастливый полёт в никуда. Приехали!

Острые солнечные лучи, пробив ставни, мешают досмотреть что-то чрезвычайно важное и приятное, но уже слышны голоса из кухни и куриное ворчание с улицы. Теперь понятно – мы у бабушки и можно, не одеваясь, бежать во двор босиком.

Всё сразу рассмотреть не удаётся, зовут завтракать. На столе огромная яичница, любимые шанежки и кружка ненавистных сливок. По шуму ташкентского поезда, который проходит в

пять утра, бабушка встала, подоила корову и выгнала её в стадо. Прилегла до «соль-илецкого», с ним встала опять и наготовила всю эту утрешнюю снедь.

После завтрака мы, причёсанные и чисто одетые, с мамой обходим всю родню – четыре или пять семей и ещё соседи... Ходьбы на целый день.

Баба Маша – «нянька», бабушкина старшая сестра, заходим к ней первой. Её муж Николай, здешний Мичурин – у дома на степной выжженной землице вырастил дивный плодоносящий сад. «Ребятёшек» пускают попасть в малинник. Мы едим огромные сладкие ягоды с куста, сколько влезет. Дед Николай кряхтит, но терпит – баба Маша держит его взглядом: «Нам деток Бог не дал, а эти ж свои, вот и пусть...»

Через забор дом маминой двоюродной сестры – у неё кролики! Дети – два пацана и девочка – смотрят на наши восторги с сожалением. Знали бы мы, сколько этим грызунам надо ежедневно притащить травы, и трагический финал короткой кроличьей жизни они видят, считай, ежедневно. Но городские – почти убогие по-здешнему – пускай глядят шёлковые мордочки и дуют в бездонные кроличьи глаза – не жалко!

Вечером вся родня собирается в нашем доме. Все чисто одеты. У женщин на плечах яркие шали. Они непрерывно чего-то вносят и ставят на стол. Говорят все сразу и всё смешное. Мужчины солидно покуривают у крыльца. Как доехали? Вопросы об отце уважительные – офицер!

Дед достаёт большие бутылки с «бимбером» – самогоном. На столе всё, что неутомимо наготовила бабушка, вкусноты необыкновенной. Дети быстро наедаются и начинают толкаться до первого подзатыльника – марш из-за стола!

Когда гости выпили и закусили, в общем разговоре наступает пауза, и женский голос вдруг пронзительно запеваёт. Женщины дружно подхватывают, а мужики ещё крепятся, сосредоточенно глядя в стол. На второй куплет и их пробивает. Тогда к высоким женским прибавляются низкие и хриплые, но правильные мужские голоса. Никто уже не сдерживается. Слов почти не разобрать, но общее счастье и удаль летят так, что звенит ложечка в тонком стекле стакана – знай наших!

За песни баба Люба и полюбила деда – лихого Саню-гармониста.

Всем был хорош Саня, а более всего смешливым блеском голубых глаз, когда пел под гармошку. Однако ж коренной казачке не пара: из имущества – одна гармонь. Русский паренёк работал на путях – рельсы к шпалам пришивал. Как-то на вечерке подмигнул кареглазой девчонке.

– У-у, шайтан! – пропела Любаша и, подхватив тугую косу, мигом отвернулась от гармониста, вроде и не заметила.

Только сразу вспомнила молодца, как сосватали её после Пасхи за поповского сына. Попович-то – всё село знает – был богатый, но придурочный: девок за косы хватал, а рот слюнявый.

– Тятенька, не пойду!

Кто дурёху слушать станет? Отцово слово крепкое. Надо семью прибавлять – два сына не пришли с германской-гражданской, а Любке восемнадцатый годок, самое время замуж.

Заперли невесту на верхнем этаже лабаза – сиди пока, до свадьбы. Только у Любы свой характер. Наладила подружку к Сане-гармонисту.

В тот же вечер, как стемнело, подъехал он огородами на тарантасе:

– Люба, я здесь, – шепчет, а та ревёт в голос:

– Саня, меня сосватали!

– Так я за тобой приехал.

Люба в чём была, в том и прыгнула к милому в ручки. Узелок с маминой иконкой-то был наготове.

Два дня бушевал отец – младшая дочь его послушалась, опозорила. Как теперь людям в глаза смотреть?! На третий день братья и дядья поехали за строптивицей. Подкатили с улицы:

– Любка, выходи!

Люба увидела – пьяные, дурные – задрожала.

– Саня, не ходи, убьют тебя!

– Нельзя, они родня теперь.

Вышел за ворота, только топор прихватил, вроде дрова колот. Да что топор! У тех, видать, обрезы – руки под сеном держат.

– Где сестра?!

– Жена-то? В доме.

– Какая она тебе жена!

– Мы расписаны, и справка есть.

Перегнулись дядьки – сразу его положить? А если правду говорит, кому она вдовая нужна будет?

– Неси справку!

– Чего на дворе толковать, пожалуйста в горницу.

Нехотя зашли, сели... А Люба уже на стол собрала, когда только успела? И справка из сельсовета с синей печатью в наличии. Всё по закону.

– Э-э-х, наливай, Санёк, твоя взяла!

Словом, до вечера тут погуляли, а через неделю в бабушкином селе играли свадьбу по-широкому – всё ж приготовлено было. А уж как пели казачки – да всё про любовь!

Отец смирился, но дочь не простил. В родном доме молодым места не нашлось. Уехали на станцию, у железной дороги соорудили землянку, там и родила Люба троих детишек. Саня на железной дороге работал, а когда посылали на курсы – учился. Перед войной накатали на него донос – дескать, шпалы ворует, и быстро упрятали в лагерь. Вот когда Люба лиха хлебнула – кроме детей у неё на руках была ещё и старенькая мама...

Есть Бог или нет, но лишь грянула война, вернулся дед с соляных рудников! Тощий, нога перебита, а глаза – голубые. На железнодорожников тогда амнистия вышла, и всех, кто не за политику сидел, отпустили, да ещё бронь от армии дали. Пятерых дедовых братьев на той войне положило, он один остался. Выучился в начальники станции, выходил к поездам в белом кителе под горлышко и красной фуражке, показывал зелёный кружок машинистам – ехать можно! Машинисты с ним здоровались: «Привет, Порфирьевич! Как дела?».

После войны рядом с землянкой поставил дом, где Люба проворно и с детьми, и с внуками управлялась, и корову держала, и овец, и птицу, и сад-огород. За всю жизнь только грамоты не одолела, время по литерным поездам узнавала.

Гармошку свою дед не забыл, важно играл внукам, улыбаясь глазами. Но, правду сказать, шпалы он всё-таки приворовывал – только это другая песня.

Карменсита

Макс сидел на полу и всхлипами набирал в лёгкие побольше воздуха. Он, наконец, догадался, что его обманули, и никакой мамы в касе («casa» – дом по-испански) нет. Нижняя губа предательски задрожала, глаза наполнились влагой. Через мгновение вечернюю тишину расколол рёв:

– А где мой мама-а-а-а?!!!

– На Лысой Горе твоя мама!

Вовка схватил сына в охапку и вытащил его на улицу. На свежем воздухе звук не так бил по нервам. «Свежий» воздух был далеко не свеж, напротив, липко-влажен и ещё очень горяч, потому что, солнце только недавно упало в океан. Русская деревня в пригороде Гаваны растворилась в тропической ночи полной звёзд и звуков. В тростнике вдоль ручья солировали цикады. Отец и сын побрели на звук.

– Слышишь, как кузнечики играют?

Это была хитрость – чтобы расслышать стрекотание надо было, как минимум, перестать орать. Макс на мгновение снизил обороты, но горечь обиды вновь захлестнула его маленькое тельце. Звук пошёл по нарастающей.

– А где мо-о-О-Й..

Вовка вздохнул, взвалил мелкого кульком на плечо и, ускорив шаг, пошёл – почти побежал – на Лысую Гору, откуда текла тягучая гитарная «драдануда» и где в неверном свете мелькали многослойные ситцы юбок.

– Посмотри, – протянул он руку к уже различимому на пригорке «шабашу», – смотри, твоя мать!

Ребёнок приподнял голову, чтоб глотнуть воздуха для нового звукового захода, но, успев разглядеть сквозь слёзы, что его драгоценная мама в красных «трениках» жива, и при этом падает ниц и трясётся вместе с другими тётями, тут же уронил голову на отцово плечо и счастливо заснул.

Официально всё это считалось самодеятельностью. В деревне объявилась пара, которая взбудоражила жён наших специалистов. «Отоварка» продовольственных карточек, готовка скудной еды, стирка-глажка, воспитание детей, непрерывная жара, а главное – невозможность вырваться из обнесённого проволокой мирка – всё это приводило молодых и здоровых русских женщин в состояние непрерывного тихого бешенства. Казалось, поднеси спичку...

И вспыхивало, ох, как вспыхивало! Женщины лупили детей и дрались с мужьями, бились между собой на общей кухне, бросались в лихие романы с командированными, по договорённости менялись мужьями, убегали автостопом в Гавану, откуда их заблудившихся ночью привозили на мотоциклах статные дорожные полицейские. Мужчинам было легче – у них была работа, а в центре деревни пивнушка – «сербеска». Там хоть залейся: «Уно пессо – дос сербесо» («Один пессо – два пива»)! Женщины втягивались и на равных пили местное сильно проглицериненное – чтоб не кисло по жаре – пиво.

А тут новая пара взялась создать танцевальную труппу! При правильной организации предприятие сулило немалые дивиденды. Например, гастроли по совзагранучреждениям и трудовым коллективам, коих на Кубе тогда было немало. Это какая-никакая, но свобода передвижения. Да и потом – сцена! Овации, цветы, шампанское! Поклонники, наконец!

Женское население забурлило. Вскоре, однако, стало понятно, что попасть в труппу непросто. Отбор проводился без кастинга и участия общественности. Иногда на вечеринке импозантный брюнет-хореограф шёпотом на ухо или в танце делал заманчивое предложение попробовать себя в кордебалете. Иногда и его жена, чернявая и бойкая, с вечной сигареткой, зайдя, например, за солью, могла спросить в лоб:

- А ты чё не танцуешь?
- Так, не зовут.
- Ну, приходи.

За пару месяцев набралась труппа. Взяли и несколько мужичков на подтанцовку. Начались изнурительные ежедневные репетиции. По вечерам, накормив мужей и уложив детей, танцорки и в жару, и в дождь мчались на крытую веранду на пригорке у школы, метко прозванную в народе «Лысой Горой». Зрелище при жидком свете свечей и карманных фонариков, под завывания кассетника сильно напоминало ведьминские пляски – прости, Господи!

Общественность напряглась. Брошенные мужья с плачущими детьми бродили ночами по деревне. То одна, то другая танцорка время от времени прилюдно падала в обморок. Вывихи, растяжения, синяки – это не в счёт. Поползли слухи о ночных пьянках.

Через три месяца сделали первый танец. После некоторых раздумий партком дал согласие на премьеру. Причина была веская – острая нехватка номеров художественной самодеятельности для праздничного концерта в День Революции.

Принаряженная публика с детьми расселась в бетонной чаше клуба. На первом ряду степенно расположились наши и кубинские руководители – большинство в светлых креольских рубашках навывпуск или военной американизированной форме. Произнесли положенные поздравления с праздником и за дружбу, начался самодеятельный концерт.

Девочка отыграла, спотыкаясь, на пианинке. Небритый дядя с женой душевно спели под гитару «Ой, да не вечер, да не ве-е-е-чер», введя кубинских товарищей в сильную грусть. Затем сеньора с цветком в смоляных волосах звонко объявила: «Карменсита!»

Под бессмертную мелодию Бизе с противоположных сторон на сцену выскочили в огненно-красных с чёрным платьях четыре гибкие Кармен и стали биться друг с другом не на жизнь, а на смерть – плотно сжатые губы на бледных лицах горели кровью, лишь изредка – после молниеносного выпада или взмаха веера – сцену озаряла победоносная улыбка. От такого зрелища зал притих. Перестали орать даже дети... Кураж и темперамент артисток были столь высоки, что зрители потом утверждали, будто по телу бегали мурашки – при здешней-то жаре!

Таких аплодисментов эти стены не помнили с визита Команданте! Когда все нахлопались, на сцену легко запрыгнул толстый, совсем чёрный компаньеро и, приглашая рукой зал, сочным баритоном неожиданно запел: «Очи чёрные, очи жгучие...» Народ подхватил в полный голос. С перепугу залаляли и разбежались спавшие в пыли собаки.

Первый успех окрылил. За «Карменситой» были поставлены сиртаки, менуэт, кадрили, чарльстон и рок-н-ролл.

Так и подобрался приличный репертуар. Нашлись портнихи. На единственной швейной машинке, а больше руками, шились концертные костюмы. В ход шло всё – оконные занавески, постельное бельё и покрывала, магазинный ситчик, завезённый ещё во времена карибского кризиса. Нашлись умельцы – танцевальную обувь тачали. К танцоркам прибились певицы – открылись шикарные голоса и фигуры!

Начались гастрольные поездки по острову. Всюду зажигательное шоу имело бешенный успех. В русской диаспоре – по большей части мужской – стали говорить о какой-то приезжей труппе, будто бы из Ленинградского Мюзик-Холла, которая перманентно гастролирует по Кубе, чтобы демонстрировать наши успехи в области «перестройки и гласности». Однажды торгпредские куркули после концерта, наполнив водой бассейн для артисток, выкатили к бортику два ящика жутко дефицитного «Советского Шампанского». Раздухарясь от «полусладкого», бизнесмены прыгали к плещущимся красоткам и там конкретно предлагали руку и всё остальное. А уж корзины с цветами было надарено...

Руководство с гордостью посчитало себя причастным к созданию передовой самодеятельности. Несколько раз всю труппу поощряли поездками к морю – под присмотром, конечно, опытных товарищей.

Страдали только заброшенные мужья и дети. В некоторых семьях наметились бракоразводные процессы. Оценив вероятные риски, на гастроли стали брать и мужей – как бы осветителями и статистами, а реально – няньками при детях. Мужики, почуяв свою ущербность, пытались привычно «устаканить» всё пивом и ромом, но азарт творчества уже проник и в их незамутненные души. Проснулись доморощенные поэты и музыканты. После официальных концертов, уже в деревне, устраивался чисто мужской «квартирник», где разыгрывались самопальные пьесы на злобу дня, часто в стихах и со слайдами. Апогеем мужского творческого реванша стала постановка филатовского «Федота–стрельца» под аккомпанемент песен Владимира Высоцкого прямо на сербеске, считай, центральной концертной площадке. Все роли, включая женские, исполнялись мужчинами. Особенно удалась тогда роль няньки – её исполнил крупный хохол с окладистыми усами – он играл так вдохновенно, что усы только украсили образ.

В чинной деревенской жизни отчётливо проступили новые горизонты. Неохваченные танцами женщины стали кучковаться по интересам. Появились кружки макраме и изучения языков. Ажиотажно скупались, прочитывались и бурно обсуждались, ещё недавно запрещенные книги – Булгаков! Бунин! Платонов! Всё подогревали газеты, привозимые морем с двухнедельным опозданием, и невероятные рассказы вернувшихся из отпуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.